

УДК 82-311.2

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.039

МИСТИКА БЫТИЯ: МОТИВ ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА В РОМАННОЙ ПРОЗЕ Д. РУБИНОЙ И Г. ЯХИНОЙ

Л. Г. Кихней, А. Г. Сильчева

Московский университет имени А.С. Грибоедова, г. Москва

В статье рассматривается мотив единственного сына как элемент мистического реализма в романной прозе современных писателей Дины Рубиной и Гузель Яхиной. В произведениях «Белая голубка Кордовы», «Русская канарейка», «Наполеонов обоз» Д. Рубиной и «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной описываются истории рода, семьи, проживающей в Советском союзе в годы довоенных и послевоенных репрессий. Авторы уделяют особенное внимание рождению и чудесному выживанию единственного сына, благодаря которому род сохраняется и продолжается. Выживание этого ребенка сопряжено с прозрениями, вещими снами и мистическими событиями, что роднит прозу современных авторов с мистическим реализмом.

Ключевые слова: мистический реализм, Дина Рубина, Гузель Яхина, современная проза, мотив ребенка.

Термин «мистический реализм» («магический реализм») ассоциируется, в первую очередь, с латиноамериканской литературой: произведениями Габриэля Гарсиа Маркеса, Хорхе Луиса Борхеса и других авторов Мексики, Аргентины, Колумбии, Бразилии [2, с. 29]. Также в контексте мистического реализма рассматриваются произведения немецких авторов [7], сербских [3], французских и бельгийских авторов [2]. В соответствии с определением Н.З. Шамсутдиновой, ««Магический» реализм радикальным образом меняет и дополняет метод реализма, т.к. использует иные основные принципы репрезентации. При сочетании реализма и фантастики в произведениях данного метода создается впечатление того, что «чудесное» органично произрастает из обычного. Разграничения и различия между реальным и вымышленным становятся нечеткими. Более того, сочетание реалистического и фантастического повествования, а также обращение к различным культурным традициям означает, что «магический» реализм отражает гибридную природу постколониального общества» [13, с. 12]. Большинство авторов не разграничивает методы мистического и магического реализма, что позволяет считать эти термины синонимичными.

Дискуссионным является вопрос о мистическом реализме в отечественной литературе. Л.Е. Ильина в качестве классиков мистического реализма указывает таких авторов, как «Николай Гоголь, Даниил Хармс,

© Кихней Л.Г., Сильчева А.Г., 2022

Михаил Булгаков, Абрам Терц, Виктор Пелевин, Андрей Столяров» [4]. К.Н. Кислицын указывает: «Мифологический роман, мифологический рассказ как жанры русской философской прозы 20–30-х годов XX века обязаны своим расцветом А. Чаянову, А. Платонову, М. Булгакову, М. Пришвину, Л. Леонову, А. Грину» [5, с. 23]. В.В. Агеносов отмечает в советской литературе наличие «особого пространственно-временного континуума повествования, использование в той или иной мере условных приемов (мифа, сказки, притчи, литературно-исторических реминисценций, символа, утопии и т. д.)» [1, с. 8]. С.И. Чупринин указывает на национальный миф как основу мистического реализма: «черты магического реализма, восходящего, как правило, к народным верованиям и состоящего в придании волшебному статуса реального, прослеживались (и прослеживаются) в творчестве абхаза Фазиля Искандера, киргиза Чингиза Айтматова, чукчи Юрия Рытхэу, чуваша Геннадия Айги, корейца Анатолия Кима, таджика Тимура Зульф리카рова, нивха Владимира Санги, татарина Рауиля Бухараева или осетина Алана Черчесова» [12].

Элементы мистического реализма как совмещения чудесного, мистического и обыденного можно отметить в прозе Дины Рубиной. Мистические моменты часто касаются вопросов развития и продолжения рода, деторождения, истории появления нового ребенка в семье. Так, в «Белой голубке Кордовы» главный герой – Захар Кордовин – является полным тезкой своего деда и обладает удивительным внешним сходством с ним. Когда Рита, мать Захара, узнает о том, что беременна, она первоначально принимает решение избавиться от ребенка, но ее останавливает сон: «Девочке снится покойный отец, которого она никогда в глаза не видала. Скорбный, глаз не поднимает, в разговоры не вступает, ищет чего-то, но, видимо, не находит...» [8, с. 208]. Раввин, к которому обращается Рита, толкует сон следующим образом: «Ты – беременна, повторил хухэм, и носишь его имя. И хочешь это имя убить. Вот поэтому он печальный» [Там же, с. 209].

Рожденный Ритой ребенок оказывается единственным потомком Захара Кордовина-старшего: его старшая дочь Фанни (Жука) бездетна, у младшей Риты рождается только Захар. Вторая беременность Риты оканчивается неудачным абортom, и она умирает от кровотечения. Захар Кордовин, будучи единственным потомком, превращается в своеобразную реинкарнацию деда: еще с младенчества все отмечают феноменальное сходство между ними. Троюродный брат Кордовина-старшего, увидев младенца, отмечает: «Перед ним лежал все тот же окаянный Захар, опять Захар и только Захар, словно этот мертвый паскудник – *гопник тот!* – как-то умудрился сделать ребенка собственной дочери» [Там же, с. 216]. Рита усугубляет сходство, давая ребенку свою фамилию и отчество «Мионович», отец в пространстве романа остается неизвестным.

Кордовин-младший превращается в преемника Кордовина-старшего: впервые увидев его, Фанни восклицает «Папа?!» [Там же, с. 66]. Имен-

но сходство помогает установить местонахождение бесценной коллекции картин: «Смотри на меня! Я – папа... Жука! Смотри на меня! Куда! Я! Их! Сложил?!» [Там же, с. 399]. Найдя папку, Захар лишний раз подтверждает для себя мысль о сходстве с дедом: «Они не могли не встретиться. Дед это знал и, думая о смерти, планировал эту встречу. Они были – близнецы, разлученные во времени. И Захар был ему взволнованно и радостно предан» [Там же, с. 406]. Именно Захару Кордовину удается восстановить разорванные много веков назад родовые связи: он узнает о роде Кордовиных-Кордоверов, семейной легенде о двух братьях, которые были разлучены и основали две ветви рода, и находит представителей рода в Кордове.

Тема перевоплощения предка в потомке и запутанности семейных связей присутствует и в трилогии «Русская канарейка», где закономерность единственного ребенка эксплицируется: «род Этингеров всегда – вы слышите? – всегда, как нитевидный пульс больного, держался на единственном отпрыске, единственной надежде не пропасть, не захиреть окончательно. Словно некая нерадивая Парка, клюющая носом над пряжей, вдруг спохватится да и вытянет торопливым крючком едва не упущенную единственную тонкую петлю очередного поколения» [11, с. 259]. История семьи Этингеров во многом сходна с семьей Кордовиных: наследником уникального певческого дара Гаврилы Этингера становится его правнук, Леон Этингер. У Этингера-младшего много типологического сходства с героем «Белой голубки Кордовы»: они оба рождены от неизвестных отцов (отец Леона появляется только в финале трилогии), их матери – энергичные, непослушные. В матери Леона Владке (Владиславе) подчеркивается скорость принятия решений, удивительная энергичность, легкий характер – те же качества присущи и матери Захара Кордовина. Леон Этингер оказывается единственным потомком «дома Этингеров» мужского пола, и, как и Захар Кордовин, он носит фамилию деда не по праву, но принимает ее в силу духовной принадлежности к семье.

В трилогии «Наполеонов обоз» этот мотив получает развитие в контексте «семейного удела» – семья Бугровых, восходящая к обрусевшему офицеру наполеоновского войска, на протяжении двухсот лет хранит секрет клада, спрятанного офицером при отступлении Наполеона. «Ключом» к кладу становится имя: «Присовокупляю также завещание на изъятие и унаследование сих колоссальнейших средств моими потомками, по предъявлении коего завещания, и только лишь по нему одному, выдано долженствует быть все от владельцев одного банка в руки Бугровым, Аристарх, либо же Симону» [10, с. 429]. Е.С. Тулушева указывает на использование ономастической идентификации как элемент мистического реализма: «Имя как идентификатор личности – достаточно спорный способ доказать право на наследство. Прежде всего, в романе не обсуждается и, видимо, даже не рассматривается вариант наличия у представителя рода Бугровых двух и более сыновей, которые, в свою очередь,

могут стать отцами новых Бугровых: наследство не дробится (и это уже признак пребывания в магической реальности, в которой у отца может быть только один сын)» [6, с. 207]. Сын главного героя трилогии Аристарха Бугрова нарушает семейную традицию: он получает имя Алексей, носит фамилию матери, а о своем отце узнает только после смерти обоих родителей. Как и Кордовин, он отмечает уникальное внешнее сходство с отцом, видя его мертвым: «Как подошел, глянул в гроб, пока его не завинтили, сказал: «Ха! Будто сам лежу, только постарше» [9, с. 448]. Мать Алексея, Надежда, на самом деле является его тетей: Алексей родился от связи Аристарха и ее сестры. Узнав об этом, Надежда предприняла попытку суицида и навсегда лишилась возможности иметь детей. Фактически Алексей является таким же незаконнорожденным ребенком, которого растит мать-одиночка, как и Захар Кордовин, и Леон Этингер.

Таким образом, неотъемлемым свойством мистической реальности романов Дины Рубиной 2000-х, 2010-х и 2020-х гг. становится мотив развития рода через цепь единственного потомка, который в большинстве случаев носит уникальную фамилию-идентификатор, часто также сопровождаемую именем-идентификатором. Главные герои произведений сосредоточивают в себе предельную концентрацию фамильных черт, их рождение и выживание связано с мистическими событиями и зачастую «висит на волоске».

Сходные мотивы присутствуют в романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза». У главной героини, Зулейхи, рождаются только девочки, которые умирают вскоре после родов, за что свекровь называет ее род «гнилым». Свекровь предсказывает смерть младенцев в своих вещих снах: «Следующие десять лет сны приходили сплошь печальные и страшные: детские рубашечки, одиноко плывущие по реке; расколотые надвое колыбельки; цыплята, утопающие в крови... За это время Зулейха родила и тут же похоронила четверых дочерей» [14, с. 30]. Зулейха считает, что дочери являются ей в виде птиц, она задабривает духов, охраняющих кладбище, оставляет им пищу [Там же, с. 68]. Свекровь рассуждает о силе рода своего сына, Муртазы: «Ты – самый сильный, Муртаза. Никому тебя не победить, не сломить. И сон мой вчерашний про это был, сам знаешь. Если кому и суждено покинуть этот дом или этот мир, так не тебе. Твоя мелкозубая жена не смогла родить тебе сына и скоро пропадет в преисподней. А тебе так мало лет – ты сможешь продолжить свой род. Будет у тебя еще сын. Ничего не бойся. Мы с тобой останемся в этом доме, сердце мое, и будем жить еще долго. Ты – потому что молодой. А я – потому что не смогу оставить тебя одного» [Там же, с. 40]. Во время голода свекровь и Муртаза съели старших сыновей, и он остался единственным потомком мужского пола.

Сила рода получает воплощение в сыне Муртазы, Юсуфе, который рождается уже после его смерти. Зулейхе удается родить здорового жизнеспособного мальчика, который в конце романа покидает ее, взяв чужую

фамилию и изменив имя – только так у него появляется шанс на новую перспективную жизнь. Время действия в романе – репрессии 1930-х годов, коллективизация и раскулачивание, то есть фактически тот же период, который изображается в описании жизни Кордовина-старшего в «Белой голубке Кордовы» и Большого Этингера в «Русской канарейке». Мистическая реальность тем самым связывается с реальностью исторической – в годы войны и массовых репрессий многие люди действительно теряли своих детей, и продолжателем рода зачастую становился единственный, чудом выживший ребенок. Конвергенция используемых мотивов и взаимодействие их с двоимирием – исторической и мистической реальностью – позволяет говорить об использовании метода мистического реализма современными писателями Диной Рубиной и Гузелью Яхиной.

Список литературы

1. Агеносов В. В. Советский философский роман в системе литературной культуры // Литературный процесс и проблемы литературной культуры / Таллинский педагогический институт. Таллин, 1988. С. 8–11.
2. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века : феномен и некоторые пути его осмысления / Институт славяноведения РАН. Москва, 1998. 117 с.
3. Захарова Ю. В. Творчество Иво Андрича и латиноамериканская литература «магического реализма» (опыт типологического сопоставления балканской и латиноамериканской «моделей мира» // Проблемы истории литературы. Вып. 1 / Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. Москва, 1996. С. 113–120.
4. Ильина Л. Е. Магический реализм как отличительная особенность латиноамериканской литературы [Электронный ресурс] // Открытая электронная библиотека Оренбуржья. URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/1867/1/2025-2028.pdf> (дата обращения: 03.08.2022).
5. Кислицын К. Н. Проза С. А. Клычкова: поэтика магического реализма : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / К. Н. Кислицын; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2005. 197 с.
6. Кихней Л. Г., Тулушева Е. С. Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы» // Научный диалог. 2021. № 3. С. 206–217.
7. Мальчуков Л. И. Реализм и «магический реализм» в западногерманской литературе 1945–1949 гг. : дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Мальчуков; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград, 1971. 188 с.
8. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. Москва : Эксмо, 2009. 544 с.
9. Рубина Д. Наполеонов обоз. Ангельский рожок. Москва : Эксмо, 2020. 480 с.
10. Рубина Д. Наполеонов обоз. Белые лошади. Москва : Эксмо, 2020. 480 с.
11. Рубина Д. Русская канарейка. Желтухин. Москва : Эксмо, 2019. 576 с.
12. Чупринин С. И. Русская литература сегодня : Жизнь по понятиям [Электронный ресурс] // Литмир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=105181&p=1> (дата обращения: 03.08.2022).

13. Шамсутдинова Н. З. «Магический» реализм в современной британской литературе: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Н. З. Шамсутдинова; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2008. 181 с.
14. Яхина Г. Зулехха открывает глаза. Москва: АСТ, 2020. 508 с.

THE MYSTICITY OF BEING: THE MOTIF OF THE ONLY SON IN THE NOVELISTIC PROSE OF D. RUBINA AND G. YAKHINA

L. G. Kikhney, A. G. Silcheva

Moscow University named after A. S. Griboyedov, Moscow

The article deals with the motif of the only son as an element of mystical realism in the novelistic prose of modern writers Dina Rubina and Guzel Yakhina. In the works “Belaya golubka Kordovy” (“White Dove of Cordoba”), “Russkaya kanareika” (“Russian Canary”), “Napoleonov oboz” (“Napoleon’s Wagon Tray”) by D. Rubina and “Zuleikha otkryvaet glaza” (“Zuleikha Opens Her Eyes”) by G. Yakhina, the stories of a clan, a family living in the Soviet Union during the years of pre-war and post-war repressions are described. The authors pay special attention to the birth and miraculous survival of the only son, thanks to which the lineage is preserved and continues. The survival of this child is associated with insights, prophetic dreams and mystical events, which makes the prose of modern authors related to mystical realism.

Keywords: *mystical realism, Dina Rubina, Guzel Yakhina, modern prose, child motif.*

Об авторах:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет имени А. С. Грибоедова (111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru.

СИЛЬЧЕВА Алина Георгиевна – кандидат филологических наук, докторант, Московский университет имени А. С. Грибоедова (111024, г. Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: alinka-krasulka@mail.ru

About the authors:

KIKHNEY Lyubov Gennadievna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism History and Literature, Moscow University named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru.

SILCHEVA Alina Georgievna – Candidate of Philology, Doctoral Candidate, Moscow University named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: alinka-krasulka@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.08.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.